

С.В. Волошина, Т.А. Демешкина

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕДУШКАХ И БАБУШКАХ В СТРУКТУРЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РАССКАЗА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРСКИХ СЁЛ)

*Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
(проект №19-412-700001р_а «Автобиографические практики
как способ отражения социокультурных процессов региона»)*

Анализируются воспоминания жителей сибирских сёл о дедушках и бабушках как важный элемент речевого жанра автобиографического рассказа. Материал исследования – 200 устных автобиографических рассказов, записанных на территории Томской области с 1960-х по 2020 г. Выявляются тематика воспоминаний и их жанровые особенности. Определено, что воспоминания о дедушках и бабушках выполняют жанрообразующую, текстостроительную, дидактическую функции, а также участвуют в самопрезентации и самоидентификации информантов.

Ключевые слова: автобиографический рассказ; бабушка; дедушка; речевой жанр; воспоминание; Сибирь.

В изучении автобиографической идентичности существуют разнообразные подходы. Одним из них является реляционный (relational approach), который, по мнению исследователей, усложняет представления о саморепрезентации, отдавая предпочтение межсубъектному (интерсубъектному) над индивидуальным, а одним из ключевых открытий в теории автобиографии в 1990-е гг. является вывод о том, что идентичность – как мужчин, так и женщин – обязательно связана с отношениями, она формируется и определяется в контексте других людей [1. С. 492].

Л.Р. Еakin отмечает, что «Я» (первое лицо) в автобиографиях на самом деле множественно по происхождению и дальнейшему формированию, «Я» всегда связано с другими и определяется через других [2. С. 43]. Исследователь с этой точки зрения выделяет автобиографии, в которых большое воздействие на автора текста оказали: 1) вся социальная среда (семья, социальные институты – школа, церковь и т.д.) или 2) значимые люди, чаще всего члены семьи и преимущественно родители [2. С. 9]. Изучать роль других людей в становлении личности возможно на материале автобиографических текстов, поскольку в них отражается не только информация об авторе, но и преломление событий глобальной истории в истории личной, сведения о значимых людях: родственниках, друзьях, учителях, коллегах, соседях и т.п., их роли в жизни отдельного человека [3, 4].

Цель данной статьи – описание тематики, особенностей жанрового оформления и функций воспоминаний о дедушках и бабушках в структуре автобиографических рассказов жителей сибирских сёл.

Новизна научной информации, представленной в статье, определяется несколькими факторами. Во-первых, исследование данных фрагментов служит выявлению новых фактов в построении устных автобиографических рассказов; во-вторых, определению места семейной истории в жизни человека, формировании его идентичности; в-третьих, изучению языковых, содержательных особенностей разнообразных

автобиографических практик, в частности, способствует разграничению устных и письменных автобиографических текстов (делопроизводственных автобиографий-документов).

Материалом анализа выступают 200 устных автобиографических рассказов, записанных во время диалектологических экспедиций сотрудниками кафедры русского языка ТГУ с 1960-х гг. по 2020 г. в сёлах Томской области. Источником материала послужили тексты Томского диалектного корпуса (<http://losl.tsu.ru/?q=corpus>), аудиозаписи речи сельских жителей, сделанные авторами исследования в результате экспедиции в с. Первомайское Первомайского района Томской области в 2008 г., а также устные автобиографические рассказы, записанные С.В. Волошиной и М.А. Толстовой в с. Мельниково Шегарского района Томской области в 2018–2020 гг., с. Больше-Жирово Асиновского района Томской области в 2019–2020 гг.

Диалектологические экспедиции последних лет (2017–2020 гг.) в сёлах Томской области (Мельниково, Монастырка, Больше-Жирово, Мало-Жирово, Вершинино и др.) показали, что «чистых» носителей диалекта осталось не так много, поэтому в настоящее время записывается речь не только диалектоносителей, но и носителей литературного языка, просторечия и информантов, в речи которых наблюдается взаимодействие разных вариантов русского языка. Языковая ситуация, сложившаяся в Среднем Приобье, отражает общую тенденцию перехода от диалекта к литературному языку, наметившуюся в сёлах и «малых» городах России. Исследователи предлагают выделять региональный вариант литературного языка, при этом отмечают, что «между диалектом и региональным вариантом литературного языка существуют переходные формы с большим или меньшим количеством диалектных черт – смешанные типы речи, в которых представлены, кроме фонетических, и грамматические диалектные признаки» [5. С. 16].

Таким образом, материал включает рассказы местных жителей как носителей старожильских говоров Среднего Приобья, так не диалектоносителей, в том числе добровольных и вынужденных пересе-

ленцев в Сибирь. По нашим наблюдениям, исконные сельские жители сохраняют в речи некоторые диалектные черты, а «новосёлы» приобретают их [6].

Автобиографический рассказ и воспоминание – наиболее частотные речевые жанры (РЖ), встречающиеся в аудиозаписях, сделанных во время диалектологических экспедиций. Это обусловлено тем, что, несмотря на цель исследования, первая встреча с информантами, знакомство с ними сопровождаются сбором информации о них, об их жизни и о том, как жили раньше. В силу данных обстоятельств названные жанры диалектной коммуникации являются наиболее изученными и популярными объектами коммуникативной диалектологии и диалектного жанроведения [7–16].

Автобиографический рассказ – информативный, спровоцированный исследователями речевой жанр, который в процессе порождения выстраивается по законам естественной коммуникации, основной целью его является рассказ о жизни с момента рождения информанта и до момента общения с диалектологами [16]. Информанты, как правило, ограничены во времени: рассказ о себе в среднем занимает 1,5–2 часа. За это время внимание рассказчика фокусируется на наиболее важных событиях и этапах жизни, он отбирает значимые факты, которые «работают» на его саморепрезентацию. Сбор материала осуществлялся с помощью как фокусированного (направленного) интервью, в рамках которого была задана одна тема – автобиография информанта, так и нефокусированного (ненаправленного), не имеющего общей темы, однако, вне зависимости от цели сбора материала, диалектологи обращались к жизни информанта, знакомству с ним. Собиратели, как правило, стараются не прерывать, не перебивать информанта, записывая монологическую речь. Вместе с тем встречаются записи автобиографических рассказов, в которых воспоминания о бабушках и дедушках спровоцированы вопросом: «А помните ли вы своих бабушек и дедушек?», тематика же этих воспоминаний исследователями не была задана.

Типичный диалектный рассказ о своей жизни строится по следующей схеме: сообщение о годе, месте рождения → информация о семье, в которой родился говорящий, родителях, о хозяйстве семьи → сведения о переезде, перемене места жительства → повествование о событиях в личной жизни, о сферах деятельности → информация о детях и их судьбе, о своей жизни в настоящее время [16]. Автобиографические рассказы недиалектоносителей, как показывает исследование, также укладываются в приведенную схему.

Информация о семье, в которой родился говорящий, о хозяйстве как одном из основных элементов этой схемы, включает в себя в том числе рассказы о дедушках и бабушках. Поскольку автобиографические рассказы порождаются в устной форме, они могут строиться с нарушением хронологии повествования, отступлением от основной схемы. S. Bluck и T. Habermas отмечают, что какие-то эпизоды, интерпретации могут появляться в автобиографическом рассказе в связи с коммуникативной ситуацией и обу-

словлены причиной создания текста [17]. В течение жизни автобиографические рассказы человека могут изменяться, потому что воспоминания о себе конструируются в соответствии с текущими событиями, «Я» в настоящем. Какие-то события могут терять или приобретать значимость со временем, и, соответственно, всё, что попадает в рассказ, имеет ценность и определенные цели [17]. Воспоминания о бабушках и дедушках могут быть в любой части анализируемых автобиографических рассказов: в начале, середине и в конце, в зависимости от темы, которую раскрывает говорящий и, безусловно, являются значимыми для него, помогают ему выстроить историю своей жизни, занимая в ней определенное место.

Типология воспоминаний в структуре автобиографических рассказов может быть осуществлена по разным основаниям. Предметом повествования могут быть воспоминания о месте рождения и проживания, об отдельных периодах жизни, о глобальных событиях в жизни страны, о старших членах семьи и родственниках. Тематика воспоминаний свидетельствует о том, что индивидуальная идентичность в значительной степени определяется связью с семейной и национальной историей [1. С. 493].

Несмотря на то, что сведения о семье составляют один из основных тематических блоков в структуре автобиографического рассказа, отметим, что воспоминания в них о бабушках и дедушках не становились предметом отдельного исследования. В существующих работах рассматривается концепт «Семья» на материале внутрисемейных родословных [18], в речевых практиках сибирской крестьянки [19], анализируются воспоминания о родителях в структуре автобиографических рассказов жителей сибирских сёл [20], воспоминания брата и сестры о деревенском детстве, в которых упоминаются родственники, в том числе бабушки [21], и др. Роль бабушек и дедушек в жизни человека в основном рассматривается в работах по социологии, психологии и педагогике, при этом отмечается, что во многих культурах уровень взаимосвязи семьи с прародителями достаточно высокий [22], но проблемы родительства в специальной литературе изучены лучше, чем проблемы прародительства и детско-прародительских отношений [22, 23]. В большинстве работ указывается, что прародители – самые родные для ребенка люди после родителей, они много времени проводят с внуками, принимают участие в их воспитании и транслируют ценностные ориентиры [24, 25], «их мнение и советы, как людей умудренных опытом, оценочные характеристики людей и событий имеют большое значение для детей и внуков» [26. С. 187], они обогащают социальный опыт внуков иным, чем в родительской семье, жизненным укладом и способами взаимодействия, способствуя развитию у детей более высоких социальных и коммуникативных навыков [23. С. 102]. Изучаются также особенности эмоционального взаимодействия детей дошкольного возраста с прародителями и отмечается, что участие бабушек и дедушек в воспитании ребенка не заменяет воспитание родителей, но обогащает его и дополняет [27].

Существуют исследования этнографов, историков, которые анализируют воспитание детей в конце XIX – начале XX в. в семьях старожилов и переселенцев Западной Сибири [28] и Алтая [29]. В этих работах также отмечается большое значение воспитательной роли бабушек и дедушек в крестьянских семьях, передачи ими нравственного опыта, «их сильное влияние на детей часто объяснялось душевной чуткостью, умением наладить психологический контакт» [28]. Важным, как отмечает В.А. Зверев, в народной педагогике был принцип возрастной иерархии, трансляции знаний от старших к младшим, но не наоборот: от бабушек и дедушек внуки перенимали «элементы крестьянской философии, медицины, этики, эстетики, народной теологии и демонологии – тех отраслей мировоззренческого действительного и мнимого знания, которые были в значительной мере автономны от производства» [28].

Рассмотрим особенности воспоминаний о дедушках и бабушках в автобиографических рассказах жителей сёл Томской области XX–XXI вв.

По данным рассказов, бабушки и дедушки могли жить вместе с детьми и внуками в одном доме, а также в разных домах, сёлах, областях и т.д.: *Раньше плохо жили. У нас семья была двенадцать ли чё ли душ. Дедушка были, бабушка были, братовья, сёстры; Папа-то он ссыльный был, ну-у-у, с Алтайского края. Там бабушка была и... ну как от я помню это. [бабушка с Вами жила?] Не-ет. [Или там осталась, в Алтайском крае?] Нет-нет, они все, они все в деревне жили, ну-у, ну как вам сказать сколько. [А, ну не в вашем доме просто.] Нет. Сначала бабушка жила она с дочерью жила, отдельно...*

Если бабушки и дедушки отсутствовали/умерли, то этот факт также упоминается в рассказах: *Я говорю, у нас мама не была любительница, вот бабушка у меня – та стряпала. Очень она любила стряпать всё. Но я её не захватила. Она в пятьдесят'ом году умерла. А я уже в пияс'т втором родилась. Володя-то, старший, помнит бабушку, помнил, тоже его уже нету, а я-то откуда, я... Я ни одной бабушки, ни дедушки родных не видела. Так что... Мы около матери с отцом воспитались.*

Для обозначения прародителей в текстах используются следующие номинации: **дед, дедушка, дедонька, бабушка, баушка, бабуля, баба, бабка**: *Ну мы звали дедонька, а так он Игнатий был. А мы его «дедонька» звали; У меня был любимейший котёнок, звали его Мишкой. Мы с ним все время кашу ели вместе. Ложкой, хорошо помню, возьму ложкой, но бабка маслом помажет, как положено, коровье, естественно, и вот: «Ешь, Мишка», сидит маленький котенок лижет, я жду... и т.п.*

Контекстуальный анализ позволяет выявить тематику воспоминаний о прародителях. Так, в автобиографических рассказах информанты вспоминают о следующих этапах, событиях, моментах жизни:

– **месте рождения бабушек и дедушек, их исконном месте жительства**: *... а дедушка-то, бабушка, они-то были сибиряками коренными, с тех мест. Я, как поняла, собственно я не вникала, но из рассказов я поняла, что они были переселенцы из Европы;*

Прабабушка моя из Перми была, а бабушка и мама тутока' родились и по'мерли. Отцов отец крепостной был и сосланный был, не знаю, за чё. Ссылали из Россее'и в Нары'мску тюрьму;

– **национальности**: *Вот этот вот дед был поляк, и это самое, и жена у него, мамина мама, была полячка тоже, но она рано умерла. <...> Его Пётр звали, деда. Вот, Амилия, его сестра родная, была, я знаю, что Амилия. Юзэ'на, сестра родная тоже была; наверно, переселе'нные, потому что все были переселе'нные оттуда. Бабушка белоруска, а дедушка поляк. Ну, до какого-то, я не помню, года... Переехали сюда...*

– **образовании**: *Но он, дед, был совершенно неграмотный! Ни одной буквы не знал, бабушка тоже; Ну, я же помню, рассказы дедушек своих. Дедушка у меня один-то, вот это, мамин-то отец, он такой был, вот, как староста деревни, вот. Он же как грамотный, поразвите'е. А второй дед – тот пил. Тот опять ходил в эти, как их, в Иркутск, на лошадях ездили. Уедет, оттудова возвращается, пропьёт всех коней!*

– **продолжительности жизни**: *Она мою мать пережила. Мать у меня в семьдесят втором году умерла, а бабушка в семьдесят четвёртом-пятом где-то так. Она прожила 90 с лишним лет; Бабушка у меня, конечно, сто лет жила; и баушка, мамина мать, до ста двух лет прожила. Я её хорошо помню. Она всё чай любила пить. У нас самовар большой был, ведерный, дак они со старухами соберутся и за вечер его выпивают;*

– **внешности**: *Баба Таня у нас была очень крепкая, очень сильная, такая вот-от... здоровее дедушки, такая вот-от мощная. Женичина, знаешь, как говорят, на скаку остановит; Бабушка у нас умерла в сорок шестом году... Дедушка умер – я теперь не помню... поляк был красивый такой был...*

– **о здоровье**: *бабушка <...физически она была очень такая, ну в общем-то, с детства если работать, конечно, сила физическая у неё, она была наделена хорошей; У нас в семье все были здоровые, а я маленька в бабушку. У нас порода крепкая. Бабушка девятнадцать детей приносила – семеро остались. А дедушка девяносто пять лет прожил, и очки не носил, и ни разу не хворал, даже в больнице ни разу не лежал...*

– **чертах характера**: *До того властная была вот. Она [бабушка] тётку, конечно, затюкала. Она даже тётке не дала замуж выйти. Она месяц пожила, она не дала ей жить. Уже лежала она в постели, рядом палка стояла. «Надька, я блинов хочу». Она ей напекёт блинов. «А чё без масла-то? Масла положи». Масло сверху растает, скинет: «Куда столько налила? Сделай мне сухих блинов»;*

– **работе / роде деятельности / профессии**: *Бабушка принимала моя [меня]. Она и лечила, и роды принимала. Раз она вот это всё умела, да, то её и называли типа колдуньей. В войну приезжали из Новосибирска, с Кемерова большие начальники. Они на фронте побывают, естественно, от снарядов контузии, туда-сюда. А при контузии очень большие головные боли. В госпиталях лечили, а их не вылечивали.*

А к ней приезжали, вылечивали. И она лечила их. Здесь они по неделе, по две жили. И она лечила, да; И всё она и с конями, и с хозяйством. Так что **очень-очень работающая моя бабушка была и благодаря тому, что вот она вот такая работающая, всё-таки всю семью вытянула**, всё-таки по меркам... семь детей поднять это живых, а были ещё те которые... умирали. Вот по этой причине хочу сказать, что... сказать, что просто бабушка молодец была. И **всех** она как бы **в люди** выбила; Дед у нас потом работал в колхозе и это, помню, делал дуги, возжси коням, там смола у нас стояла, дёготь постоянно где-то там под сараем, вот, рядом конный двор был. Все трудились, все... Я помню около себя близко бабушек – все были в работе, потому что рано уходили, поздно приходили, мы вечно... не дом, в не доме, на речку да везде и всюду, вот; А у меня мама, бабушка – все были портные, шили хорошо;

– **хозяйстве / ведении хозяйства:** Вся деревня была небедная, понимаете. Они сильные такие, хозяйственные очень были, дома построили добротные, вот. Не было как таких вот. Потом уже были вакуи'рованные приехали, из други'х вот деревень приехали, которые... Вот. Они, конечно, нуждались во всём; Ну така' она [бабушка] была старенька, ну чистюля, вот почему-то от мне вот это до сих пор. От у меня сестра шеся'т лет умерла в том году, она тоже так от помнит чё. Начнём разговаривать, я грю: «Вер, помнишь, кака' у них была чистота?» Она гыт: Как люди могли? Знашь от, деревенские, ага, а такие вот чистюли вот были такие вот, всегда это, порядок всегда, чистота, кода', как чё успевали ж как-то?; Ну а выживали, э, как могли: бабушка с дедушкой держали корову, мы вот молока, сметану, конечно, мы этого ничего не видели, но, как, я теперь уже как это, соображаю, помню, что всё это были налоги, надо было сдавать. Ну вот, а бабушка молоко на сепараторе когда пропускала вот этот обрат, вот этот обрат мы считали за молоко и всегда говорили: «Ой, а нам бабушка даёт по три литра молока» – это вот я помню уже я говорила;

– **месте проживания, доме:** У отца был дом, его строил дед, ну обыкновенный дом, кирпичный, двух-этажный еще, на хрена он нужен был деду этот дом, не знаю. В общем, построил!; Вот ещё, моя бабушка, ещё жили, дом был, посереде' дома был костёр, около костра грелись. Окон тоже, стекла не было, стёкла так делали, вот это из животных, ну, от коров, например, эту требуху очищали от всего, вот этим занавешивали, забивали, чтоб светло было днём, вот так вот жили, в общем...; Помню, и бабушку помню, и дедушку. Вот там, где мы были в Вознесенке... там полтора километра... деревня... Перелюбка, а за Перелюбкой три километра ещё в лес... была деревня Фимушинка. И там жили... мои бабушка, дедушка, то есть родители моей мамы – Циро Пётр. Вот и... мы на лето... приезжали;

– **воспитании:** Я знаю, что она, мать, допустим, на поля уедет, а мы вот здесь уже, **бабка** за нами смотрит. А так, друг за другом смотрели, вот и всё; ...бабушка у нас, она была властная. Почему? Потому что она выросла в таких условиях... в крестьян-

ских, где приходилось... добывать всё и еду и всё, чтобы с голоду не умереть. И она вот как: «Маруся, это тебе носки, это тебе Сонька, это Надька, Надежда была, Зойка». Вот... то есть, понимаете? Она выросла в этих условиях, что всё она делала сама, и... там же самая дети. Воспитывала так детей;

– **обучении:** А я у бабушки, значит.. У меня разница была с братом, он средний, целых 6 лет, поэтому я маленький ещё, всё внимание бабушка на меня, естественно, как любая бабушка, хоть мальчишка, хоть девчонка все равно, ребёнок маленький, значит, он требует большего внимания, чем следующий. И вот она меня учит и рассказывает, что какой-то Лазарь, был там, а он действительно был, в Библии я потом мельком глянул, когда взрослый стал...

К.Д. Ушинский называл бабушек и дедушек природными русскими педагогами [30], в анализируемых рассказах информанты отмечают роль бабушек и дедушек в их воспитании, передаче жизненного опыта, трансляции ценностей, культуры, обучении грамоте: Я уже была, на работу ужё ездила, бабушка в год померла, а дедушка семь лет ешо прожил. Помнила я, в каком году. Ну я помню хорошо. Они сказки нам рассказывали, то-сё...; Бабушка у меня была золото с дедушкой. Очень даже хорошая. Я её всё время вспоминаю. <...> Однажды меня в школе, не меня, а весь класс: напишите, у бабушек, у дедушек спросите, какую-то пословицу, поговорку, сказку – что-то такое в общем. Я ей говорю: «Баб, нам велели написать», а она прилегла уже вечером, когда делать нечего, легла на койку, дед тоже уже улёгся спать. Ну и она мне это, начала загадки загадывать. Господи, я и сроду не видела, не слышала. Потом я уже закричала: «Баба! такую не надо, она нехорошая». А она: «Язви тебя, да какая же нехорошая-то?» Это же вот это, ткать на станке. Чё-то «брюхом ткнёшь, ногой пнёшь». В общем интересная была загадка такая, все старые. И вот это самое, она тогда и гыт: «Ну и нечего спрашивать, если не угодила».

– **периодах своего проживания у дедушек и бабушек:** Я в сорок четвертом году уехала с дедушкой снова в Монастырку, где и родилась, там два года училась в пятом-шестом классе, а в это время отец пришел с фронту, больной, ну какое-то время они пожили в Каргаске, а потом отца перевели в село Парабель, оно там рядом два района, уже он технологом маслопрома работает, а я у бабушки живу. В сорок шестом году приезжаю с дедушкой, туда в Парабель, заканчиваю семь классов Парабельской средней школы и поступаю в Колпашевское педучилище в сорок седьмом году; ...У меня бабушка была, я, ну, я у ней всегда в деревне жила, у ней русская печка. От на ней спали, и зимой, и летом. Они же готовили в русской печке, там ни плиток же, ничё не было там, русская печка, там хлеб пекли, всё, знаю я эту печку. И даже от: ну летом, зимой-то часто от как если приедешь, спали там, тепло, так от там, знаете, дерюга расстелена такая, ну самотканая, знаете, дерюга, на дерюжке всегда чисто тоже у бабушки было. Ну летом-то мы спали, та у ней така' горница, они закрывались эти, половицы, раньше

не двери были, а от, ну, чё-то такое от, с двух половин. От на полу спали всегда, ага, а на печке если чё летом, дак там спа'рися...

– **приготовлении пищи:** А мы прибежали к ней [к бабушке] домой, они здесь жили, а мы через три дома. Всегда хлеба напекёт, краюшку раз-раз отрежет там, с молоком туда-сюда. Особо там такого не было. Но конфетки, всегда конфетами угощала. То, что характерно, мать работала, там некогда, мы прибежали и здесь кушали. Она кормила всегда, никаких проблем; У меня Бабушка была, и в колхоз хлеб пекла, и себе хлеб пекла, и все блю'ды. И щас разные салаты делают, всё на свете, и всё покупают, а раньше всё своё было. Свёкла, морковка, картошка, вот и... Капуста ешо. Кода' свежая, кода' и кислая. Вся, оуурцы. Вот вся закуска; Парёнки – это... чистили, мыли, чистили свёклу, морковь, брюква, репа когда была. И всё это... в чугунок такой, закрывали сковородкой, чтобы там... и ставили, когда печка уже прогорело всё, вот в этот жар. И она испа'рят-ся – так ели, а потом бабушка ещё выкладывала их на листик и опят же в печку, они высохнут – как конфеты ели!

– **уходе, заботе:** Поэтому жизнь в войну была очень трудная, нас спасали [смеётся] мама и бабушка, которые старались чем-то накормить, как-то одеть, обуть, чтоб мы были не хуже других;

– **отношении к религии:** Действительно, я крещёный, всё как полагается и так далее. А бабушка мне толковала про какого-то Лазаря, она у нас единственная в семье была, которая действительно верила... но икона висела, как у всех, над столом, в красном углу, что называется...; Она с тысячи восьмьсот девяносто восьмого года рождения. Вот, а в восьмидесятом, то есть она прожила восемьдесят два года. Всегда была крепкая, всегда... зрение хорошее. Вот так... без очков, никогда очки, но очень была... божественная...; Бабушку, она была там у нас это... така верующая, молилась всё это... ну у батюшки спрашиваем, говорит. Ну, говорит, **перекрестить** бы надо, он моли... она **молитвы** эти же самы читат, но только что надо там мазать да это... ну у нас тоже щас ходит дочка в эту... церковь, и внучка. Дак она **перекрестила** себя и ребятишек;

– **привычках:** Бабка Павлина молодец была. Она говорит: «Я герой Советского Союза». Я, говорит, её спрашивают: «Бабка, самогонку гонишь?» – «Гнала... гоню, гнала и гнать буду». Она любительница была выпить;

– **событиях** (глобальных, исторических, культурных и др.) и их отражении на жизни прародителей, их отношения к этим событиям: Это у меня, у нас кода' радио провели в деревне первое, и бабушка, я пришла к ней, она рассказывала, как их подключили-то, ага. А тогда же были динамики такие в коробочке. Она грит: «Я подхожу, грит, а они, грит все черти, гыт, в коробочке сидят».

Многие автобиографические рассказы включают воспоминания о жизни семьи в военное время: У меня бабушка рассказывала, она прожила, кстати, сто два года. Она, была вот у ней артель, она говорила,

они занимались этой рыбалкой. И приезжали домой они даже, она говорит, у них низ это, чирки', вместо вот, не сапоги, а чирки'. Там им заворачивали портянки, и портянки пристывали прям а'жно к чиркам это, их снимали... и всё это отдавали, сдавали, на войну, а самим ись нечего было. Они вот картошку выкопают, в поле останется мёрзлая, они её наберут, натрут. Из них там драников сделают, из мороженой, всё. В общем, у ней такая сложная... У ней одиннадцать, десять детей, а выжило всего четверо. Четыре дочери. И как она объясняла: Бог дал, Бог и забрал. В то время вот [усмехается] сами себе рожали, сами себе крестили...

Определение круга тем воспоминаний о бабушках и дедушках имеет условный характер, поскольку многие фрагменты совмещают сразу несколько тем, например: В войну мы не голодали. Вот, хотя и маленькая была, я не помню, конечно, раз в сорок первом я родилась. Я уже помню себя только с 10 лет. Вот как корову начала доить, так я себя помню... Но только знаю, что мы не голодали. Корова была, картошка была. Дедушка был рыбак. Рыба была, вот. Ну а хлеб, значит, сколько-то давали. Они же уже были рабочие, дедушка с бабушкой. Им что-то давали, а тем более у них еще погиб, были убиты два сына, то есть у них два зятя и два сына, четыре мужчины из семьи у нас погибли. Давали там сколько-то, маленько муки. А потом на меня давали еще. Ну сколько там давали, я тоже не знаю. Там принесут, может быть, стакан сахара, может быть, там пенсионные сколько-то, там муки. Но бабушка картошку, муку, лепёшки в русскую печку, там рыба была, то есть как бы мы не голодали. Основная тема данного фрагмента из автобиографического рассказа посвящена воспоминаниям о жизни в военное время, которое информант пережил с бабушкой и дедушкой, испытывая их заботу на себе. Кроме того, он сообщает о роде занятий дедушки и бабушки.

Наряду с тематикой воспоминаний, одной из сложных задач является определение их жанровой характеристики. Воспоминания о дедушках и бабушках могут быть отражены в одном высказывании и могут представлять собой целые самостоятельные рассказы, относящиеся к речевому жанру воспоминания.

Выделяются части автобиографических рассказов, являющиеся одной из разновидностей воспоминаний и относящиеся к речевому жанру рассказа о случае, они, как правило, вводятся высказываниями, содержащими намерение рассказать о случае: И был такой случай. Она [бабушка], значит, ну как вам сказать, вот как я сижу, вот так вот кровать проходила, вот здесь окошко было, вот здесь дверь, вход, ну вот... с... ну как бы сквозное [показывает]. И во время грозы залетела шаровая молния. Вот это окно выбила, развалилось да? И вот как она сидела, да, вот так мимо неё пролетела шаровая молния. В ту комнату залетела, ну как в прихожая, там кухня и прихожая, да? В зал залетела, там всё, что могла разрушила, и в окно опять вылетела. На бабушке ни один волосок не упал. И она сказала: «вот что значит вера». Что она

вот нас всегда учила, что верьте, бог есть. И когда вот это случилось у неё это, она и говорит: «Только бог меня спас».

В речи одного информанта встречаются повторяющиеся истории, повествования, воспроизводимые через определенное время в более-менее устойчивом виде, представляющие собой речевой жанр рассказа-пластинки [31. С. 26]. «Форма таких рассказов выверена и многократно отточена, хотя и допускает некоторое варьирование в зависимости от адресата или субъективных факторов» [32. С. 44–45]. Для данных рассказов, по мнению исследователей, характерна установка на юмор, шутку, языковую игру [31, 32]. Вместе с тем М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова отмечают, что, «видимо, можно говорить и о других жанровых разновидностях многократно репродуцируемых текстов, для которых характерна иная, более “серьезная” коммуникативная установка рассказчика. Это обычно рассказы о драматических эпизодах семейной истории (болезнь, пожар и т.п.), рассказы притчевого характера и др. Их собирание и жанровая интерпретация – задача будущего» [32. С. 45]. В анализируемом материале встречаются такие рассказы-пластинки, в которых информанты вспоминают о случаях, связанных с бабушками и дедушками и о том, чему они их учили, что говорили и т.п. Одним из таких рассказов-пластинок является воспоминание информанта из с. Мельниково о бабушке и дедушке, посвященное здоровью, отсутствию медикаментов в середине XX в.

Приведём фрагмент рассказа, записанный студентами в июле 2018 г.: *А дедушка у нас уже последнее время лежал в постели. Так вот... а раньше гнали все самогон. Раньше все в деревне гнали самогон, без этого не жили. И вот она [бабушка] разольёт по бутылкам... Миша, вот этот братишка, на три года старше. Он во всём, он уже такой... крепкий такой вот-от был. И он с бабушкой наравне, считай, косил. Бабушка брала «девятку», Миша – «семёрку», и они косили, потом это всё переворачивали. А меня оставляли большие следить за дедушкой, потому что то воды поднести надо, то ещё что-нибудь. Вот, то тот же горшочек надо было поднести. И мне оставляли как бы, всё-таки дедушку же одного не бросишь. Я больше была. Вот он у меня просил, а бабушка хитрая была. Вот она, таблеток не было обезбаливающих, а всё же болит у него. И вот этой давала самогонки... то есть вот из бутылки вот так-от чем-то чиркнет... уровень. Налёт в стопку, и так раз, заметку сделает, чтобы я не отлила. А у него, видать, болит всё, он и говорит: «На-а-а, нале-ей мне маленечко?». Я говорю: «Бабушка будет ругаться». «А ты чуть-чуть ниже её вот этой... чёрточки». И вот я потихонечку отливала, чтобы... чёрточка, чёрточка то есть, пониже чёрточки, да? Ну, там сколько, вот да, потом бабушка приходит, допустим, на обед, да. В обед ему полагалось ещё обезбаливающего стопка. И вот она опять налёт ему, опять заметочку делает. Она уходит, а он у меня опять просит, потому что никаких таблеток, девочки, не было. Это всю боль они терпели. Вот... ну и как говорится, долго он не прожёл, а бабушка у нас прожила долго.*

Второй отрывок из автобиографического рассказа был записан во время диалектологической экспедиции (апрель, 2018 г.), адресаты – сотрудники кафедры русского языка ТГУ и жительница села Мельниково, которая участвовала в разговоре:

У нас дедушка с войны пришёл, ранение имел, и он сначала на костылях ходил, а бабушка у меня такая мощная, она физически очень сильная, она вручную на коров косила, а он это, и вот гнала самогонку, и вот так вот отольёт, а лекарств не было, а он заживо гнил, и вот она ему так налёт, обезбаливающее, даст и пошла косить. И на бутылке делает зазор, и вот он, значит: «Надь, налей маленько, всё болит».

Г.Г. Метка.

Н.А. «Деда, деда, баба ругаться будет». «Ты только чуть-чуть отлей, чтобы это самое, вот эта метка была». И вот я наливаю туда, туда, туда, наливаю, сколько там у меня получается. Дам ему, она в обед приходит с покоса, ну, как говорится, есть и всё. Опять норму наливает, опять заметку ставит, и вот так я лето, чтобы маленько помочь, как говорится, ухаживать за дедушкой, чтобы она ушла, и, как говорится, стакан воды или что-то, меня туда отправляли за дедушкой ухаживать. И вот так я наливала, его отпаивала. Никаких лекарств не было, вот так вот.

Оба рассказа посвящены одной теме – воспоминанию о дедушке и бабушке, в них говорящий описывает одну и ту же ситуацию. Первый рассказ (259 слов) более объёмный, отличается большей детализацией, подробностями, которых нет во втором рассказе. Сообщается о том, что все в деревне гнали самогон, в том числе и бабушка, какой косой она косила: *Бабушка брала «девятку», Миша – «семёрку», и они косили, потом это всё переворачивали*, рассказывается о том, почему информанта оставляли с дедушкой: *А меня оставляли большие следить за дедушкой, потому что то воды поднести надо, то ещё что-нибудь. Вот, то тот же горшочек надо было поднести. И мне оставляли как бы, всё-таки дедушку же одного не бросишь*; даётся оценочная характеристика: *бабушка хитрая была*; а также сообщается о продолжительности жизни дедушки и бабушки. Второй рассказ (169 слов) меньше первого по объёму, однако здесь сообщается, почему дедушка болел: *с войны пришёл, ранение имел, и он сначала на костылях ходил; он заживо гнил*. Возможно, информант выстраивал тексты в зависимости от адресатов, а также от места данного эпизода в повествовании и коммуникативной ситуации: в первом случае это воспоминание включено было в двухчасовой автобиографический рассказ информанта; во втором случае – это короткий автобиографический рассказ, поскольку основным информантом выступал другой человек.

Средствами языкового воплощения воспоминаний о дедушках и бабушках в структуре автобиографического рассказа являются метакомпонентные высказывания, включающие глаголы *помнить*, *вспоминать*, глаголы в форме прошедшего времени или с семантикой настоящего исторического: *А когда вот мы не ссыльные, вот ещё до ссылки были, у нас в деревне очень хорошая была церковь. Ходили, и я вот помню, как нас бабушка*

водила. Мы небольшие'нькие вот такие вот были, бабушка уже ведёт нас, пойдёмте, в церковь, Боженьку молиться будем. Это вот мы ходили. Эта мамина мать нас водила; И вот знаете, в этой печке она [бабушка] вот такой борщ, вот салом заправит, вот знаете, я до сих пор, я даже не сварю такой щас борщ на плитке, ага? И вот она там ставит туда вот этот борщ всегда на обед, каждый день. И вот ел бы его и ел, и ел. Знаете, вот такой от в... какой-то напарится от, такой, я от вспоминаю часто.

Как уже отмечалось, в структуре автобиографического рассказа могут быть представлены не только воспоминания о бабушках и дедушках, но и воспоминания о селе, родителях, школе, войне, событиях прошлого и т.д., а схема представления информации исследуемого речевого жанра позволяет выявить важную особенность автобиографического рассказа – наличие в нем двух временных пластов: 1) рассказ о жизни в прошлом и 2) отражение жизни в настоящее время. Две основные смысловые части в текстах – прошлое и настоящее – распределяются в текстах неравномерно: преобладает повествование о прошлом. Соответственно, в автобиографическом рассказе как ретроспективно направленном речевом жанре, воспоминания (в том числе о дедушках и бабушках) выполняют текстообразующую, жанрообразующую функцию, они направлены на реализацию коммуникативной стратегии самопрезентации. Рассказывая о родственниках, информанты сообщают одновременно о себе; эти воспоминания выполняют функцию самоидентификации, определения, закрепления себя в мире, служат экспликации связи собственной жизни и истории семьи: *У нас в семье все были здоровые, а я маленька в бабушку; Родился я, вообще интересно, в 30-ом году, то есть в 29-ом году в феврале, моих родителей выслали в Пудинск, это остров среди болот, Пудинский район. Вот так, собственно говоря, в феврале. Как они там жили, не знаю, ну а почему выслали? Деду предложили вступать в колхоз. Он числился середняком. Он отказался.*

Рассказывая о том, как их воспитывали и чему учили дедушки и бабушки, информанты пытаются воспроизвести их речь, используя различные способы передачи чужой речи (прямая, косвенная, несобственно-авторская): *Так и так, и жись прошла вся. Только я не видела, когда она прошла. Как не лучше моей бабушки: вот, говорит, ничё хорошего не видела в своей жизни. А как жизнь, гыт, прошла, не видела. А теперь её частенько вспоминаю.* Эти воспоминания выполняют, на наш взгляд, дидактическую функцию, поскольку, обращаясь к опыту прародителей, информанты преследуют цель передачи этого опыта следующему поколению, к которому относятся в том числе и диалектологи. Обращаясь к прошлому, связанному с бабушками и дедушками, информанты в ряде случаев либо сами используют диалектные лексемы, являющиеся в диалекте в настоящее время устаревшими

(чирки), для описания тех или иных реалий, либо воспроизводят их, передавая речь представителей старшего поколения.

Таким образом, высвечивается еще одна функция у такого рода воспоминаний, связанная с сохранностью диалекта как формы коммуникации. Говорящий, описывая жизненные ситуации, оказавшие большое влияние на формирование его нравственных качеств, осознает себя как часть семейного сообщества с определенными ценностями, идентифицирует свою родовую принадлежность. В речи информантов встречаются высказывания обучающие, поучающие, объясняющие бытовые реалии крестьянской жизни и т.п.: *...бабушка зара'ньше черessedельник принесла <...Раньше така' поверья была, черessedельник лупить. Ну и вот и, мама сидит так вот, бабушка взяла меня и на полу и давай волтузить меня этим черessedельником: «Никогда морков чужую... Ни морков, хоть чё чужое лежит, никогда ничего не тронь. Шобы никогда не брала ничего!» Лупила меня. Я ревели там, не знаю, мама не заступилась даже. Я за мокрого вся заревелася. И вот у меня в голове это до сих пор всегда, шоб чужое – это Боже избав! Меня отучили. Ма'ленька была. Вот так. Никода' в жизни говорит, ничего не бери. Из-за этой морковки, я грю... Девчонкам ничё, а мне попало. За всех. От так от; Вспоминать, как они жили и как они тяжело, она как-то не любила. Она всё говорила, деточки, вы такого не, не, как она говорила, деточки, вы, говорит, не поймёте, что пришлось нам пережить.*

Следует отметить, что включение в повествование «чужой речи» и воспоминаний о словах дедушек и бабушек отличает устные, неофициальные автобиографические практики от письменных, делопроизводственных автобиографий, в которых подобная информация о дедушках и бабушках не встречается. Данные о дедушках и бабушках указываются в автобиографиях-документах редко и только в начале текстов: при обозначении происхождения, социального положения, рода деятельности, воспитании при отсутствии родителей: *Дед мой, ХХХ, в 1920 г. приехал в Сибирь из Вятской губернии по вызову сына, моего дяди; Отец до 1913–1914 г. занимался крестьянством вместе со своим отцом и двумя братьями, имея мелко-середняцкое хозяйство. ... Мать, дочь захудалого попа, вышла замуж за отца в 1910 г.; Отец вместе с дедом занимались отходничеством.*

Таким образом, воспоминания о бабушках и дедушках – один из элементов речевого жанра автобиографического рассказа, выполняющий различные функции: самопрезентации, самоидентификации, дидактическую, текстостроительную, жанрообразующую. Информанты вспоминают о месте рождения и проживания, национальности, профессии, чертах характера, внешности и других характеристиках прародителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Davis R. Mediating historical memory in Asian / American family memoirs: K. Connie Kang's «Home was the land of morning calm» and Duong Van Mai Elliott's «The sacred Willow» // Biography. 2007. Vol. 30, № 4. P. 491–511.

2. Eakin P.J. *How Our Lives Become Stories: Making Selves*. Ithaca : Cornell UP, 1999. P. 43–98 (Chapter 2. Relational Selves, Relational Lives: Autobiography and the Myth of Autonomy).
3. Voloshina S.V., Demeshkina T.A. The Autobiographical Story as a Means of Modeling Global Events // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. № 200. P. 563–568.
4. Волошина С.В. Автобиографические практики в контексте словесной культуры Сибири // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 16. С. 35–51.
5. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Провинциальная речь: от диалекта к литературному языку // Региональные варианты национального языка : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2013. С. 12–16.
6. Волошина С.В., Демешкина Т.А., Толстова М.А. Речевой портрет жителя трансграничного региона (русско-белорусское взаимодействие) // *Русин*. 2021 (в печати).
7. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
8. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики : материалы науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века». Томск, 2001. С. 167–174.
9. Лагута Н.В. О речевом жанре воспоминания (на материале русских говоров Приамурья) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск : АмГУ, 2005. Вып. 3. С. 86–101.
10. Мызникова Я.В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «Рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 66–72.
11. Калиткина Г.В. Трансляция традиции в диалектном дискурсе // *Русин*. 2015. № 3 (3). С. 167–182.
12. Леонтьева Т.В. Автобиографические мемуары о детстве (по письмам Шурыгиной Таисии Ивановны, уроженки и жительницы деревни Плосково Костромской Области) // *Мир Евразии*. 2016. № 3 (34). С. 38–43.
13. Литвинова Н.Б. Структурно-семантическая актуализация исторической информации в вербальном пространстве диалектного текста-воспоминания // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (12). С. 55–58.
14. Матлин М.Г. Устные рассказы о голоде 1941–1945 годов как источник изучения повседневности сельского населения ульяновского Поволжья // Научный диалог. 2018. № 8. С. 147–160.
15. Толстова М.А. Вербализация представлений о мужчине в женском автобиографическом рассказе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (210). С. 117–125.
16. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 2 (10). С. 5–10.
17. Bluck S., Habermas T., The Life Story Schema // *Motivation and Emotion*. 2000. Vol. 24 (2). P. 121–147.
18. Павлова А.А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (на материале внутрисемейных родословных). Белгород : Изд-во БелГУ, 2004. 162 с.
19. Волошина С.В. Воспоминания о родителях в структуре автобиографических рассказов сибиряков // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : материалы IV Междунар. конф. (13 октября 2020 г., г. Орёл). Орёл : ОГУ им. И.С. Тургенева, 2020. С. 223–228.
20. Гынгазова Л.Г. Ключевые концепты традиционной народной культуры в речевых практиках сибирской крестьянки // Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.) / Айзикова И.А и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. Ч. 1.2. Речевые практики сибиряков. С. 55–95.
21. Ганичева С.А. Воспоминания брата и сестры о деревенском детстве: лингвогендерологический аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 5 (92). С. 67–78.
22. Беднарчук А.И. К вопросу о функциях старшего поколения (бабушек и дедушек) в современной семье // Система ценностей современного общества. 2016. № 50. С. 143–148.
23. Булыгина М.В., Комарова С.В. Прародители и внуки (обзор зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8, № 4. С. 97–105.
24. Михальчик М.З. Воспитательные возможности бабушек и дедушек // Пути, тенденции и направления развития социальной сферы: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Витебск : Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2009. С. 197–199.
25. Михайлова Е.В. История жизни и опыт поколения бабушек и дедушек в интерпретации современных студентов (на примере студентов ЯГПУ, обучающихся по специальности «Социология») // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Т. 3, № 2. С. 161–168.
26. Лихачева Э.В., Бондаревская С.В., Беляева Е.С. Идеальный внук и реальный внук глазами бабушек и дедушек // Инновационная наука. 2015. № 7-1 (7). С. 186–189.
27. Кузьмишина Т.Л. Особенности эмоционального взаимодействия дошкольника с прародителями в современной семье // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2, № 4. С. 249–253.
28. Зверев В.А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск : НГПИ, 1993. 244 с. URL: <https://repo.nspu.ru/handle/nspu/641> (дата обращения: 21.01.2021).
29. Явнова Л.А. Воспитание детей в семьях старожилов и переселенцев Алтая в конце XIX – первой трети XX веков (по материалам устных источников) // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 336–339.
30. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения : в 6 т. М. : Педагогика, 1990. Т. 5. 420 с.
31. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Изучение диалектного текста: рассказ-пластинка // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В.Е. Гольдина. Саратов : Амирит, 2015. С. 26–36.
32. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М. : Русские словари, 1999. 396 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 марта 2021 г.

Memories About Grandparents in the Structure of an Autobiographical Story (On the Material of Siberian Villagers' Speech)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 13–22.

DOI: 10.17223/15617793/464/2

Svetlana V. Voloshina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Tatiana A. Demeshkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

Keywords: autobiographical story; grandmother; grandfather; speech genre; memories; Siberia.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-412-700001p_a.

The article analyzes Siberian villagers' memories about grandparents as an important element of the speech genre of the autobiographical story. The aim of the article is to describe the themes, types of genres and functions of memories about grandparents in the structure of autobiographical stories of residents of Siberian villages. The material of the research is 200 oral autobiographical stories recorded on the territory of Tomsk Oblast from the 1960s to 2020. It is determined that memories about grandparents perform genre-forming, text-building, and didactic functions, as well as participate in the self-presentation and self-identification of the informants.

Possible types of intra-genre and inter-genre intersections are analyzed. Memories, being an independent complex speech genre, can at the same time be a part of another genre – an autobiographical story, a story about a case. Participants of the speech genre (sender and receiver) are in certain kinship relationships (grandchildren and grandparents: grandmothers and grandfathers). The author of the text, referring to the history of their family and the experience of previous generations, realize a self-identification process, comprehending their belonging to the genus, family by various identification characteristics: nationality, education, upbringing, and others. The micro-themes of memories are revealed; they allow determining the most significant parameters that the author of the text uses for self-presentation, including oneself into the family history (place of residence, profession, features of character, etc.). Reference to the axiological dominants of the previous generation is one of the strategies of self-presentation and self-identification of the residents of the modern village. The stories of the informants serve as a means of creating an ideal image of their grandparents, who appear in memories as kind, gentle, literate, telling fairy tales, non-drinkers, long-living, having good health, hardworking, economical, clean, and able to feed, to treat, to teach, to educate. The grandparents' role in preserving and transmitting cultural and moral values to the younger generation, in forming behavioral patterns (commandments, instructions), such as the need to work, not to steal, not to drink, and to believe in God, is great. Thus, memories of grandparents are one of the elements of the speech genre of the autobiographical story, which performs self-presentation, self-identification, didactic, text-building, and genre-forming functions. The informants recall the place of birth and residence, nationality, profession, character traits, appearance, and other characteristics of their grandparents.

REFERENCES

1. Davis, R. (2007) Mediating historical memory in Asian/American family memoirs: K. Connie Kang's "Home was the land of morning calm" and Duong Van Mai Elliott's "The sacred Willow". *Biography: An Interdisciplinary Quarterly*. 4 (30). pp. 491–511.
2. Eakin, P.J. (1999) *How Our Lives Become Stories: Making Selves*. Ithaca: Cornell UP. pp. 43–98.
3. Voloshina, S.V. & Demeshkina, T.A. (2015) The Autobiographical Story as a Means of Modeling Global Events. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 200. pp. 563–568.
4. Voloshina, S.V. (2018) Autobiographical practices in the context of Siberian verbal culture. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 16. pp. 35–51. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/16/3
5. Bukrinskaya, I.A. & Karmakova, O.E. (2013) [Provincial speech: from dialect to literary language]. *Regional'nye varianty natsional'nogo yazyka* [Regional Variants of the National Language]. Proceedings of the All-Russian Conference. Ulan-Ude. 17–20 October 2013. Ulan-Ude: Buryat State University. pp. 12–16. (In Russian).
6. Voloshina, S.V., Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2021) Rechevoy portret zhitelya transgranichnogo regiona (russko-belorusskoe vzaimodeystvie) [Speech portrait of a resident of a cross-border region (Russian-Belarusian interaction)]. *Rusin*. (In print).
7. Demeshkina, T.A. (2000) *Teoriya dialektного высказывания. Aspekty semantiki* [The Theory of Dialectal Sentence. Aspects of semantics]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Gyngazova, L.G. (2001) [On the speech genre of recollection (based on the language of personality)]. *Aktual'nye napravleniya funktsional'noy lingvistiki* [Relevant Directions of Functional Linguistics]. Proceedings of the Conference "Yazykovaya situatsiya v Rossii kontsa XX veka" [The Linguistic Situation in Russia at the End of the 20th Century]. Kemerovo. 1–3 December 2001. Kemerovo; Tomsk: Tomsk State University. pp. 167–174. (In Russian).
9. Laguta, N.V. (2005) O rechevom zhanre vospominaniya (na materiale russkikh govorov Priamur'ya) [On the speech genre of recollection (based on the Russian dialects of the Amur region)]. In: Oglezneva, E.A. & Arkhipova, N.G. (eds) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh* [The Word: Folklore-dialectological almanac]. Vol. 3. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 86–101.
10. Myznikova, Ya.V. (2014) Communicative specificities of the dialect speech genre "reminiscence story". *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 4 (28). pp. 66–72. (In Russian).
11. Kalitkina, G.V. (2015) Translation of the tradition in the dialect discourse. *Biblioteka zhurnala "Rusin" – Rusin Journal Library*. pp. 167–182. (In Russian). DOI: 10.17223/23451734/3/13
12. Leont'eva, T.V. (2016) Avtobiograficheskie memoraty o detstve (po pis'mam Shuryginoy Taisii Ivanovny, urozhenki i zhitel'nitsy derevni Ploskovo Kostromskoy Oblasti) [Autobiographical memoirs about childhood (according to the letters of Shurygina Taisia Ivanovna, a native and resident of the village of Ploskovo, Kostroma Region)]. *Mir Evrazii*. 3 (34). pp. 38–43.
13. Litvinova, N.B. (2016) Structural and semantic actualization of historical information in verbal area of dialectal text-reminiscence. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 3 (12). pp. 55–58. (In Russian).
14. Matlin, M.G. (2018) Oral Histories about the Famine of 1941–1945 as the Source of Knowledge of the Everyday Life of the Rural Population of the Ulyanovsk Area of Volga Region. *Nauchnyy dialog*. 8. pp. 147–160. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-147-160
15. Tolstova, M.A. (2020) Verbalization of ideas about a man in a woman's autobiographical story. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 4 (210). pp. 117–125. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2020-4-117-125
16. Voloshina, S.V. (2010) Speech genre of autobiographical story (on dialect material). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (10). pp. 5–10. (In Russian).
17. Bluck, S. & Habermas, T. (2000) The Life Story Schema. *Motivation and Emotion*. 24 (2). pp. 121–147.
18. Pavlova, A.A. (2004) *Zhanr, gipertekst, intertekst, kontseptosfera (na materiale vnutrisemeynykh rodoslovykh)* [Genre, Hypertext, Intertext, Conceptual Sphere (Based on intra-family genealogies)]. Belgorod: Belgorod State University.
19. Voloshina, S.V. (2020) [Memories about Parents in the Structure of Autobiographical Stories of Siberians]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: izucheniye i obuchenie* [Language. Culture. Communication: Learning and teaching]. Proceedings of the IV International Conference. Orel. 13 October 2020. Orel: Orel State University. pp. 223–228. (In Russian).
20. Gyngazova, L.G. (2019) Klyuchevye kontsepty traditsionnoy narodnoy kul'tury v rechevykh praktikakh sibirskoy krest'yanki [Key concepts of traditional folk culture in the speech practices of Siberian peasant woman]. In: Ayzikova, I.A. (ed.) *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossiyskom i evropeyskom kontekstakh (XIX – nachalo XX v.)* [Verbal culture of Siberia in the all-Russian and European contexts (19th – early 20th century)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 55–95.
21. Ganicheva, S.A. (2019) Brother and sister's memories about village childhood: the linguogenderological aspect. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 5 (92). pp. 67–78. (In Russian).
22. Bednarchuk, A.I. (2016) K voprosu o funktsiyakh starshego pokoleniya (babushek i dedushek) v sovremennoy sem'e [To the question of the functions of the older generation (grandmothers and grandfathers) in the modern family]. *Sistema tsennostey sovremennoy obshchestva*. 50. pp. 143–148.
23. Bulygina, M.V. & Komarova, S.V. (2019) Grandparents and grandchildren (review of foreign studies). *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya – Journal of Modern Foreign Psychology*. 4 (8). pp. 97–105. (In Russian). DOI: 10.17759/jmfp.2019080410

24. Mikhal'chik, M.Z. (2009) [Educational capability of grandmothers and grandfathers]. *Puti, tendentsii i napravleniya razvitiya sotsial'noy sfery* [Ways, Tendencies and Directions of Development of the Social Sphere]. Proceedings of the II International Conference. Vitebsk. 3–4 December 2009. Vitebsk: Vitebsk State University. pp. 197–199. (In Russian).
25. Mikhaylova, E.V. (2017) History of life and experience of the grandfathers' and grandmothers' generation through the interpretation of the presentday students (using as an example the YSPU students' interpretations, major in "Sociology") *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*. 2 (3). pp. 161–168. (In Russian).
26. Likhacheva, E.V., Bondarevskaya, S.V. & Belyaeva, E.S. (2015) Ideal'nyy vnuk i real'nyy vnuk glazami babushek i dedushek [Ideal grandson and real grandson through the eyes of grandparents]. *Innovatsionnaya nauka – Innovation Science*. 7–1 (7). pp. 186–189.
27. Kuz'mishina, T.L. (2014) Features of emotional interaction of the toddler with grandparents in the modern family. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 4 (2). pp. 249–253. (In Russian).
28. Zverev, V.A. (1993) *Deti – ottsam zamena: vosproizvodstvo sel'skogo naseleniya Sibiri (1861–1917 gg.)* [Children are substitutes for fathers: reproduction of the rural population of Siberia (1861–1917)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute. [Online] Available from: <https://repo.nspu.ru/handle/nspu/641>. (Accessed: 21.01.2021).
29. Yavnova, L.A. (2013) Education of children in families old-timers and Altai migrants in late 19th – early XX century (based on oral sources). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture and Education*. 3 (40). pp. 336–339. (In Russian).
30. Ushinskiy, K.D. (1990) *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical Works]. Vol. 5. Moscow: Pedagogika.
31. Bukrinskaya, I.A. & Karmakova, O.E. (2015) Izuchenie dialektного teksta: rasskaz-plastinka [The study of dialectal text: story-plate]. In: Kryuchkova, O.Yu. & Krysin, L.P. (eds) *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: K 80-letiyu V.E. Gol'dina* [Language in the Space of Speech Cultures: On the 80th anniversary of V.E. Goldin]. Saratov: Amirit. pp. 26–36.
32. Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (1999) *Rech' moskvichey: Kommunikativno-kul'turologicheskiy aspekt* [Speech of Muscovites: Communicative and cultural aspect]. Moscow: Russkie slovari.

Received: 08 March 2021